

Бокова Амина Магомедовна, Магистрант,
«Ингушский государственный университет», Республика Ингушетия, г. Магас
Bokova Amina Magomedovna, Master 's student "Ingush State University"
Republic of Ingushetia, Magas

Шутурова Хадишат Магомет-Башировна, ст. преподаватель
«Ингушский государственный университет», Республика Ингушетия, г. Магас
Shuturova Hadishat Magomet-Bashirovna, senior lecturer "Ingush State University",
Republic of Ingushetia, Magas

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНСТИТУЦИОННОМ
И ОБЩЕМ СУДЕБНОМ НОРМОКОНТРОЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON CONSTITUTIONAL AND
GENERAL JUDICIAL REGULATORY CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: Выявлено и научно обосновано наличие ряда проблем в определении предмета судебного нормоконтроля в Российской Федерации.

Abstract: The existence of a number of problems in determining the subject of judicial regulatory control in the Russian Federation has been identified and scientifically substantiated.

Ключевые слова: Российской Федерации, Конституционный Суд РФ, судебный нормоконтроль, проблемы реализации.

Keywords: Of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial norm control, problems of implementation.

Отправная точка конституционного судебного нормоконтроля заключена в провозглашенных в статье 15 Конституции Российской Федерации высшей юридической силы конституционных норм в сравнении с законами и иными правовыми актами, непосредственном действии Конституции Российской Федерации. Соответственно, особое значение в этой связи приобретает порядок осуществления нормоконтрольной деятельности.

По своим характеристикам судебный нормоконтроль является самостоятельным правовым институтом, поскольку представляет собой совокупность норм права, регламентирующих однородные общественные отношения, связанные с анализом и оценкой нормативных актов, принимаемых органами публичной власти. Как и все остальное отечественное законодательство, данный институт подвергается большому количеству корректировок. Однако такие трансформации имеют скорее ситуативный или оперативный характер и не носят концептуальной направленности на его перспективное совершенствование посредством систематизации судебной деятельности в рассматриваемой области общественной жизни. В настоящий момент имеет место необходимость такой работы. Суды общей юрисдикции на протяжении длительного времени руководствовались положениями главы 24 ГПК РФ и рассматривали дела о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части в соответствии с ней. Лишь в 2015 году с целью устранения множества накопившихся противоречий был принят КАС РФ. Как отмечает Ю.Н. Стариков, продолжающаяся реформа судостроительства в России с применением современных доктринальных разработок ориентирована на будущее выделение самостоятельной административной юрисдикции для более действенного и эффективного обеспечения и защиты прав и законных интересов граждан, а также четкой реализации иных, не связанных с этим положений Конституции Российской Федерации [3].

В этой связи Т.Я. Хабриева отмечала – «модернизация законодательства выступает не только идеологической основой для работы по пересмотру, совершенствованию, качественному обновлению и количественной оптимизации действующих российских законов, но и важной составляющей современного этапа государственно-правового развития страны»[4]. Безусловно, нельзя проводить совершенствование законодательства о нормоконтроле в отрыве от других правовых институций ввиду его нахождения в системной связи с ними. Это должна быть комплексная работа. Тем не менее, то, что уже сделано, позволяет заключить, что к настоящему моменту устранены отдельные несоответствия, однако часть вопросов осталась неразрешенной, а некоторые и вовсе возникли впервые.

Единственным спорным вопросом в этой части может быть лишь положение статьи 208 КАС Российской Федерации, а именно ее 7 части, в соответствии с которой предметом оспаривания могут выступать законы субъектов Российской Федерации, утверждающие роспуск представительного органа муниципального образования. Если провести глубокий теоретический анализ, то такого рода документы не отвечают критериям нормативного правового акта и в чистом виде законами не являются в виду отсутствия норм права¹⁰⁰. В данном случае необходимо констатировать индивидуальное предписание, не имеющее общеобязательного для неопределенного числа субъектов правоотношений правила поведения. Следовательно, исходя из его природы, он является правоприменительным актом. Любой же акт правоприменения оспаривается по правилам главы 22 КАС РФ. Соответственно, данное исключение целесообразно исправить посредством соответствующих изменений в КАС РФ [1]

Помимо этого, законодательство фактически расширило возможности судебных органов, позволив им давать толкование рассматриваемых актов. В результате такой деятельности могут быть скорректированы правоприменительные мероприятия. Такого рода позиция излагается в резолютивной и мотивировочной частях итогового решения.

При этом такое толкование, однако же, не отрицает права органов правосудия осуществлять конституционный нормоконтроль, включающий определение конституционного смысла проверяемого документа, его соответствия акту высшей юридической силы России в ходе применения в конкретном деле [2].

Таким образом, оспоренный и признанный неприменимым на практике правовой акт продолжает существовать в правовой системе как сущность, сохраняет свое положение элемента в данной структуре. Суд просто устанавливает юридические препятствия для того, чтобы им руководствоваться, а также необходимость действительного участия его автора в части приведения его в соответствие с другими нормативными правовыми актами для дальнейшего применения.

Таким образом, высший орган конституционной юстиции несколько раз продублировал однажды сформулированную позицию в нескольких своих решениях. Данное обстоятельство акцентирует значимость данной проблематики в правовом поле России. В то же время далеко не все судьи данного органа с этим были согласны, не говоря о многообразии взглядов в доктрине, судейском сообществе и иных дискуссионных площадках с участием практиков.

Представляется справедливым мнение судьи Конституционного Суда России А.Л. Кононова, согласно которому усложнение, обусловленное разделением нормативных правовых актов на недействующие и недействительные, не несет в себе никакой практической пользы, запутывая практику применения законодательства. Если суд установил невозможность дальнейшего применения какого-либо нормативного документа, то по своим юридическим последствиям такое решение все равно делает невозможным его действие точно также, как при его полнейшем отсутствии. Думается, что наиболее

эффективным способом правовой защиты нарушенных прав будет именно процедура судебного нормоконтроля, которая позволит все негативные последствия издания отмененного самим нормотворческим органом незаконного акта устранить путем признания его недействующим со дня принятия [3].

На основании вышеизложенного необходимо сделать следующие выводы.

Прежде всего, институт судебного нормоконтроля прошел долгий и длительный путь своего развития, в процессе которого он смог преодолеть ряд существенных и значимых проблем. В частности, принят и вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, обособивший рассматриваемую категорию дел из области гражданских споров. В настоящее время можно однозначно утверждать о достаточно полном и правильном определении предмета судебного нормоконтроля, что позволяет проверять законность, в том числе актов, содержащих нормативные предписания. Более четкими стали требования к условиям обращения с административным иском и многое другое.

Тем не менее, отмеченные достоинства не отменяют спорных и неоднозначных вопросов, требующих соответствующих путей решения.

Во-вторых, вопрос исключения арбитражных судов из процесса нормоконтроля требует скорейшей корректировки, так как именно арбитражные суды способны более качественно оценивать нормативные правовые акты, имеющие экономический характер.

В-третьих, неоднозначной является установленная система разграничения подсудности между самими судами общей юрисдикции и ее соответствие конституционному принципу доступности правосудия.

В-четвертых, предлагается уточнить в КАС РФ момент признания акта недействующим по результатам проведения судебного нормоконтроля. Актуальными представляются своего рода ограничения на установление такого рода периодов для того, чтобы не нарушать сложившиеся позитивные связи между субъектами политического, экономического или социального характера.

Наконец, все коррективы и изменения законодательства в конечном итоге должны являться определенным этапом для достижения конечной цели в виде создания полноценной системы специализированных административных судов, которые станут подлинным оплотом в деле защиты конституционных прав граждан.

Список литературы:

1. Бек О.А. Указ. соч. С. 88-89.
2. Васильев С.А. К дискуссии о нормативности муниципально-правовых актов и обязательности их официального опубликования // Legal Bulletin. 2022. Т. 7. № 1. С. 24-31.
3. Лазарев Л.В. Проблемы судебного нормоконтроля в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. № 2.
4. Старилов Ю.Н. Судебный нормоконтроль и административное судопроизводство в системе модернизации административного и административного процессуального законодательства // Мировой судья. 2015. № 4. С. 31-32.
5. Хабриева Т.Я. Стратегия социально-экономического развития России и модернизации законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010. С.34.

